

венное представление о реальности, но *саму реальность*, поднимет из глубин бессознательного и покажет неведомое будущее. Мало того — поведет к этому неведомому. Сюрреализм не надо понимать как поперечную вертикаль, как «над-реализм», а горизонтально-дугообразно, как рывок вперед, полет по траектории, ведущей за ветхую реальность к грезящейся желаемой реальности будущего. Это напоминает идею Фрейда о доминанте «принципа желания» над «принципом реальности».

У сюрреалистов теории Фрейда, не сразу ими усвоенные, составили часть их кредо, исходившего из объединения импульсов де Сада, Лотреамона, Рембо, Жарри, Жака Ваше с духом 93 года, с диалектикой Гегеля, с учением марксизма. В отличие от Фрейда у Бретона и у других сюрреалистов общественное устремление преобладало (по крайней мере, в теории) над суммой индивидуальных устремлений.

В России первая масштабная попытка преодолеть догматический подход к сложным явлениям французской литературы 20-х—50-х годов была сделана, хоть и под тяжелой редакторской рукой И. И. Анисимова, в IV томе академической «Истории французской литературы», готовившейся на рубеже 50-х и 60-х годов [1]. Новые подходы вырабатывались в главах (по алфавиту) Т. В. Балашовой, Т. И. Бачелис, М. Н. Ваксмахера, С. И. Великовского, И. Н. Голсницеева-Кутузова, А. Д. Михайлова, З. М. Потаповой, Н. Я. Рыковой; непосредственно разделы «Дадаизм и сюрреализм», «Поль Элюар», «Пьер Реверди», «Сен-Жон Перс» были написаны автором этой статьи. После выхода тома недогматический или во всяком случае внимательный подход к сюрреализму проявлялся в русской науке у И. Ю. Подгаецкой [2, 3], И. С. Куликовой [4], В. П. Большакова [5], С. И. Великовского [6], Л. Г. Андреева [7] и др.

К тому же и во Франции долго не приходила пора для серьезного изучения и для научного издания даже Поля Элюара (скончавшегося в 1952 г.). Двухтомное собрание его сочинений (*Oeuvres complètes. V. I—II*) вышло в Париже в *Bibliothèque de la Pléiade* только в 1968 г. Никто тогда не помышлял о подобном издании Бретона (1896—1966), который продолжал писать и направлять поредевшие во Франции ряды сюрреалистов. Первые два тома научного издания Бретона вышли в 1988—1992 гг. [8] и второй попал к нам в страну лишь весной 1994 г. Поскольку эти тома не охватывают произведения Бретона последних 25 лет его жизни, в них не могли войти разъясняющие суть сюрреализма талантливые сборники статей позднего Бретона — «Выход на волю» (1953) [9] и посмертно изданная «Молодецкая перспектива» [10], для изучения которых был бы весьма полезен научный комментарий.

В 50-е годы также нельзя было предвидеть, что Луи Арагон (1897—1982) вернется в последние годы к наполовину постсюрреалистической прозе и поэзии.

Внутреннее родство трех «главных» поэтов сюрреалистического круга — Элюара, Арагона, Бретона — было заслонено в 30-е и более поздние годы политическими обстоятельствами. Как бы нехотя и как ни незаметно для себя, Арагон, а позже и сам Элюар оказались запятнанными терпимостью к сталинизму. Бретон же и после войны вновь будто вписывался в старую не только поэтическую, но и политическую линию в сюрреализме. Так, он поддержал своего верного друга Бенжамена Пере (1899—1959), который вызвал конфуз своим памфлетом «Бесчестье поэтов», вышедшим в Мексике в 1945 г. Утверждая принципиально верную идею неприятия поэтами всякого тоталитаризма, Пере одинаково отстранился и от писателей-коллаборационистов, и от поэтов Сопротивления. В памфлете Пере частично из «платонической» любви к независимости и чистоте настоящей поэзии, — согласно сюрреалистам, революционной по своей природе, — а частично из недостойного раздражения признанием противостоявших сюрреализму направлений печатал самоотверженных и вдохновенных поэтов, таких как Элюар, Арагон, Рене Шар, которые участвовали в движении Сопротивления.

Начало ссор сюрреалистов с ФКП восходит к концу 20-х—30-м годам. Парадоксальным образом это связано с тем, что во всей французской литературе